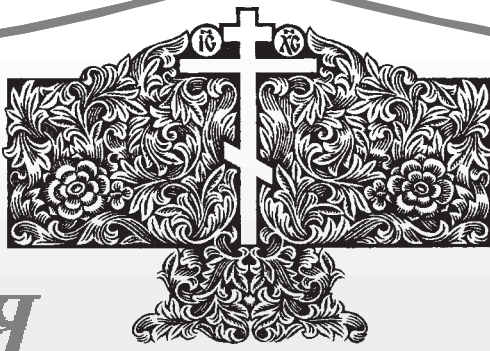


«Адония же, боясь Соломона, встал и пошел, и ухватился за роги жертвенника».

(3 Цар. 1:50)



«Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего».

(Лук. 1:68-69)

РОГ СПАСЕНИЯ

«Останусь жив, построю храм...»

Эй, что там за организм ползет! - покрикивает священник Николай Кравченко на одного из курсантов. - Таз к земле прижми, а то его очередью срежут!

Недалеко от Троице-Сергиевой Лавры проходят полевые занятия курсантов военно-патриотического клуба «Пересвет», организованного для трудных подростков Сергиева Посада священниками и лаврскими насельниками - ветеранами афганской и чеченской войн. После того как священники отслужат в церквях Божественную литургию, они спешат в клуб, к своим юным воспитанникам.

- Кем легче командовать - взрослыми или детьми? - интересно я у отца Николая.

- А я не чувствую никакой разницы, - серьезно отвечает батюшка. - Военным я был, военным и остался, несмотря на то, что сменил мундир с погонами на рясу и крест. Служение-то у меня одно - Отечеству...

Морозным январским утром 1994 года диверсионно-разведывательная группа спецназа ВДВ под руководством старлей Ушакова и лейтенанта Кравченко укрывалась от преследовавших ее отрядов «ичкерийских волков» в полуразрушенном здании госуниверситета Чечни, что недалеко от площади Минутка. Здание содрогалось, словно огромный улей, от свиста пуль и взрывов. На одном из этажей дюжие спецназовцы наткнулись на пехотинцев-срочников, также нашедших здесь пристанище. Командир пехоты - капитан - едва не прослезился:

«Вы как раз вовремя! У нас столько что кончились все патроны!»

В этом кипящем котле оборону держали целые сутки. Лейтенант Николай Кравченко, за меткий глаз и твердую руку прозванный Чукчей-снайпером, шелкал, как орешки, из своей винтовки чеченских «коллег». А в коротких передышках, в столь непривычной для уха тишине, вспоминал свой родной, такой далекий поселок Ламутское на берегу Охот-

ского моря, да в глубине души жалел этих сопливых пацанов, ждавших от спецназовцев, словно от старших братьев, защиты. Ведь свои звездочки на погоны Николай получил аж в тридцать лет, после того как окончил ускоренные офицерские курсы. И сразу написал рапорт в Чечню. Под стать ему были и его товарищи из диверсионной группы.

- Когда через сутки стало ясно, что подмоги не будет, а патроны на исходе, у многих появилось чувство обреченности, - вспоминает Николай. - И тогда я взмолился, верно, первый раз в жизни: «Господи, сделай так, чтобы мы вырвались живыми из этого ада! Если останусь жив - построю Тебе храм!»

Оказавшись в безвыходном положении, спецназовцы и офицер-пехотинец посоветались и решили пойти на прорыв кольца чеченского окружения. Хотя не было уверенности, что хоть кто-нибудь останется после такого безумного прыжка живым. Тем более с этими вояками-срочниками, от которых, по словам Николая, за версту мамкиными пирожками пахло. И они рванули навстречу превосходящему их в численности противнику. В ответ на завывания врага - «Аллах акбар!» - они на едином дыхании кричали: «Христос воскрес!» И эти крики заглушали страх. Они сошлись с «чехами» в рукопашной, когда уже не было выстрелов, а слышались лишь боевые выкрики, предсмертные хрипы заколотых и задуренных - хруст костей и проломленных черепов.

И они прорвались. Все до единого. И вскоре уже «зализывали» раны в месторасположении российских войск...

В 95-м, во время краткосрочного отпуска, Николай оказался в Москве. И решил съездить в Сергиев Посад, так как давно слышал о прозорливом старце Троице-Сергиевой Лавры отце Кирилле, который ввремя Великой Отечественной был одним из героев обороны Сталинграда.

- Я подробно исповедался у старца. А он вдруг спрашивает:

«А что еще? Вспомни, может быть, Богу чего обещал?» И тут-то я вспомнил о том, что совершенно выпало из памяти - и про свою мольбу в полуразрушенном здании, и про свое обещание построить церковь, если останусь живым... На прощание я попросил у отца Кирилла благословения на возвращение в Чечню. «Твоя война закончилась, оста-

вайся здесь», - ответил старец. «Это невозможно, батюшка! Ведь я единственный снайпер в нашей бригаде. Да и монахом я вовсе не хочу быть. Мне проще по зубам дать, чем смиряться», - заупрямился я... Сейчас-то я понимаю, что от слова больше противников поляжет, также словом и больше людей спасешь...

На войну он не поехал. Уволился в запас и действительно остался в монастыре. Но монахом так и не стал. Подвизался звонарем на большой колокольне Лавры, вынашивая мечту вернуться в родной чукотский поселок и отстроить там храм. А чтобы не стоял храм пустым (в тех местах священников днем с огнем не сыщешь) - самому служить в нем. Но прежде чем стать священнослужителем, нужно подыскать себе невесту. А время идет, ему уже 35... Да и где ее взять-то при суровом монастырском режиме?

На очередной исповеди у старца Кирилла Николай в сердцах махнул рукой: «Да уж какая там невеста - сказки все это!» «Сказки, говоришь?» - старец внимательно посмотрел на звонаря. - А что у нас через два дня?» - «Рождество», - «А ты знаешь, что на Рождество сказки сбываются?»

В Рождественскую ночь в колокольню пришли колядовать девушки - студентки регентского отделения Духовной семинарии. Там он и познакомился с Еленой, с которой вскоре обвенчался. Но прежде предупредил, что собирается возвратиться на Чукотку. Она была согласна хоть на край света.

С момента обретения семьи, как и со дня обретения веры, у Николая появился новый смысл жизни. Однако, даже рукоположившись в священники, он внутренне так и остался тем воином, которым был когда-то. И, видно, не случайно его первенец родился почти в День ВДВ. «Надо же так случиться, два дня не доносила до праздника!» - сокрушается отец Николай. Сына назвал Александром в честь Александра Невского. «Мечтаю, чтобы он, когда вырастет, защищал Родину с оружием в руках, - признается батюшка. - Ну а коли не оружием,



то Отечество можно защищать и словом, и молитвой...»

На вторую чеченскую Николай Кравченко - иерей Николай - собирался ехать уже не с автоматом, а с крестом. Случилось это летом позапрошлого года. Три недели он ездил по передовой. И главный вывод, к которому он там пришел: в окопах атеистов нет. Батюшку везде встречали «на ура». В одной только 74-й бригаде он окрестил 110 человек. Валился от усталости с ног, но был безумно счастлив. Именно в этой, 74-й бригаде, отец Николай начинал когда-то ту, первую чеченскую войну. И сейчас, встретив своих боевых товарищей, не удержался и спросил: «А снайпером ты у нас есть?» - «Да разве ты снайпер!» - ответствовали они.

- И винтовку-то в руках едва научились держать... Вот Чукча-снайпер - то снайпер был!»

- В одном из чеченских селений я высадился с бронетранспортера, чтобы купить у русской женщины минералки. И тут ко мне подошел знакомый мужчина в пятипалой спецназовской форме. «Как здорово и неожиданно здесь встретить русского батюшку!» - воскликнул военный. - «Ну, дак...», - отвечаю. - «А вы откуда?» - «А вы откуда?» - спрашивает незнакомец. - «Из Сергиева Посада». - «Троице-Сергиева Лавра? Знаю!» - «А вы сами откуда?» - тоже интересуюсь. - «Со спецназа ВДВ». - «Очень хорошо, - констатирую я. - Я тоже в этом подразделении служил». - «Не может быть! Мой позывной в прошлую войну был Кабан. А у вас какой?» - «А мой - Чукча-снайпер». Смотрю - мой собеседник

аж подпрыгнул. - «Так это ты?! Батюшка, я, честное слово, ничего не понимаю... - он едва не задохнулся от смехотворения. - Ну надо же! Всю прошлую войну я хотел познакомиться с Чукчей-снайпером!» - «А чем же это я так выделился?» - удивился я. - «А ты мне во время штурма Грозного, в январе 94-го, на площади Минутка жизнь спас. Тогда кто-то из наших со стороны университетского здания уложил чеченских снайперов, под прицелом которых я находился. Я потом по своим каналам узнавал, кто же это меня выручил. Сказали - Чукча-снайпер... Бывают же в жизни чудеса!»

Андрей ВИКТОРОВ
Сергиев Посад.
(«Гудок» 26.02.2003г.)

ПАСХАЛЬНЫЕ ВЕСТИ

Весть, что люди стали мучить Бога...
К нам на север принесли грачи...
Потемнели хвойные трупцыбы,
Тихие заплакали клочки.

На буграх камни обнажили
Лысины, прикрытые в мороз,
И на камни стали падать слезы
Злой зимой ошипанных берез.

И другие весты, горше первой,
Принесли скворцы в лесную глушь:
На Кресте распятый, всех прощая,
Умер Бог, Спаситель наших душ.

От таких вестей ступились тучи,
Воздух бурным зашумел дождем
Поднялись, морями стали реки,
И в горах пронесся первый гром.

Третья весть была необычайна:
Бог воскрес и смерть побеждена!
Эту весть победную примчала
Богом воскрешенная весна...

И кругом луга зазеленели,
И теплом дохла грудь земли,
И, внимая трелям соловьиным,
Ландыши и розы зацвели!

Я. ПОЛОНСКИЙ